

КУЛЬТУРНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

М. П. Крылов, А. А. Гриценко

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ И РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОМ ПОРУБЕЖЬЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

В последние десятилетия наблюдается повышение интереса отечественных и зарубежных исследователей к проблеме пограничий, приграничий, порубежий. Это в значительной степени связано с переосмыслением места подобных пространств в жизни общества отдельных стран и регионов, с уходом от интерпретаций их как периферийных, окраинных, несущественных [13, 15]. Обращается внимание на значительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический), на их функциональную особенность выступать в качестве интегрирующего начала, поля широкого взаимодействия, которое способствует развитию территорий, в том числе удаленных от границы (например, [13, 7]).

Приграничье, граница, идентичность. Неотъемлемой частью проблемы приграничий в последнее время стала ее компонента, связанная с идентичностью. При этом исследования территории *приграничий* все чаще не ограничиваются относительно узкой полосой по обе стороны границы (государственной, административной). Более продуктивным считается рассмотрение достаточно обширных пространств, которые корректнее называть *порубежными*. «Граница» рассматривается как широкая переходная зона, к которой применим термин физической географии «эктон». В контексте такого подхода понятия «граница» и «приграничье» не всегда должны противопоставляться. Тем не менее, понимание границы как линии сохраняет свое значение в случае границы формальной (государственной, административной, границы политических союзов; отчасти сюда примыкают границы этнические и конфессиональные, в том случае, если они выражены достаточно четко, что случается далеко не всегда) [1, 3, 4, 5, 13, 16]. В связи с этим категория «идентичность» в контексте проблемы *приграничий* выступает в нескольких взаимосвязанных ракурсах: *идентичности как границы — границы между идентичностями (разграничение идентичностей в географическом пространстве) — взаимовлияние формальных (в первую очередь — государственных) границ и идентичностей.*

По мнению О. Бреского и О. Бреской [6], обобщая результаты исследования Приграничья и Пограничья (“frontier studies”, “border studies”, “boundary studies”), можно сказать, что

целостной теории Пограничья не существует. Это напоминает «ситуацию в современной культурологии или этнографии, где общая теория складывается преимущественно из отдельных “case-study”. Хотя термины Приграничье и Пограничье часто меняются местами в употреблении, многие элементы Приграничья (зоны, которая находится возле политической границы) могут быть использованы в Пограничье, которое может не иметь четкой привязки к географическому пространству возле физической границы. Пограничье, в отличие от Приграничья, больше носит воображаемое, символическое, социальное измерение и скорее привязывается к социальному месту... теория Приграничья все чаще начинает взаимодействовать с теорией Пограничья» [6, с. 56—57].

Н. Н. Беспмятных обращает внимание на то, что, хотя положение о взаимосвязи «процессов самоидентификации, конструирования границ и порядков разделяется сегодня большинством авторов, механизмы таких взаимосвязей остаются в «пограничных исследованиях» не вполне проясненными. Отсутствует концептуализация самого понятия «приграничная идентичность», а результаты ее изучения в различных ареалах ограничиваются такими характеристиками, как «неопределенная», «неоднозначная», «изменчивая», «амбивалентная», «бинарная», ..., «плюралистическая», включающая этнические, государственные, «супранациональные», «комбинированные», «иерархические», «смешанные», «реликтовые» идентичности» [5, с. 14].

Авторы исходят из того, что политические границы, как правило, имеют какие-то *прототипы* (в истории, этнографии и физической географии), которые оказывают вторичное, а иногда и непосредственное воздействие на приграничные идентичности, являясь в одних случаях *живыми реликтами*, а в других же случаях представляя собой «двойника» или же «конкурента» этой границы, познание которого важно и для изучения проблем, связанных с формальными границами.

Данное обстоятельство предполагает существование следующего основного *механизма* (этот механизм в значительной степени носит культурно-психологический характер) *формирования приграничных идентичностей*, который принимается авторами как гипотеза.

Как полагают авторы, историко-политические, историко-культурные, этнические и другие границы, в совокупности с современными политическими границами, образуют своеобразные *сети границ*, которые могут по-разному «складываться» и «накладываться» друг на друга в сознании людей. В этих рамках происходит *активное взаимодействие региональных, этнических, национально-государственных и других идентичностей*, результатом которого (определенным, своеобразным для разных территорий) оказывается некоторая, в каком-то смысле упорядоченная, *комбинация идентичностей*, именуемая «*приграничной идентичностью*». При этом *плавное, эволюционное* формирование приграничной идентичности может сочетаться с *резким* изменением границ, переходом целых регионов под юрисдикцию другого

государства, что часто оказывается причиной трансформации идентичностей, хотя нередки случаи устойчивости приграничной идентичности. Эта устойчивость определяется долговременной ролью культурных границ, значительной инерционностью сознания людей, сохранением исторической памяти. Представляется, что приоритет культуры (культурных границ) и сознания людей является не только желаемым императивом, но во многом также и реальным фактом исторического процесса, в котором, по справедливому замечанию И. М. Дьяконова, «социально-экономическое развитие не отделимо ни от развития технологического, ни от развития социально-психологического» [9, с. 10]. Соответственно, и геополитические аспекты приграничий во многом должны зависеть (и авторы пытаются показать, что нередко и фактически зависят) от социально-психологических (а также этнокультурных и историко-культурных) факторов, которые проявляются в том своеобразном феномене, которым является приграничная идентичность.

К исследованию особенностей региональной идентичности в российско-украинском и российско-белорусском (а позже – также и белорусско-польско-литовском) порубежье авторы приступили, располагая достаточно обширным опытом изучения региональной идентичности [10, 17] на этнически однородных территориях центральной России (2001 – 2004). Отработанная методика была модифицирована с учетом характерных черт вновь исследуемых территорий и, начиная с 2008 г., применялась к изучению обозначенных порубежий в пределах России, а также Западной Беларуси. В методику был введен учет этнической и культурной идентичности, а также факторов, позволивших более детально разработать чисто пространственный аспект региональной идентичности [8, 13, 18, 19].

Российско-украинское и российско-белорусское порубежье: российский контекст.

Для изучаемой территории характерен плавный взаимопереход украинского и великорусского культурного компонента, а также сохранение исторической памяти о Слободской Украине. Казачьи Слободская Украина и Гетманщина, территории которых разделены сегодня между Россией и Украиной, являлись составными частями культурных ядер двух соседних государств. Слободская Украина формировалась в составе Московского и Российского государства как ее автономная часть, в то время как Гетманщина выделилась из польской части Речи Посполитой и фактически была независимым государственным образованием под протекторатом России вплоть до второй половины XVIII в.

Авторов интересовал вопрос: *сохраняются ли* в настоящее время на приграничных российско-украинских территориях *элементы украинской этнической культуры*, включая возможное присутствие их в самосознании у украинского по происхождению, но, как правило, формально русского, согласно последним переписям, населения, четырёх областей Российской Федерации. Авторы изучали *границу между исторически украинским и исторически ве-*

ликорусским расселением, пытаюсь определить степень её природно-ландшафтной обусловленности, а также выраженности в современном культурном ландшафте исторических поселений. Эта граница рассматривалась в ряду других важнейших пространственных доминант современной самоидентификации, какой, в частности, является государственная граница. Важно было знать, в какой мере и в какой форме у населения российской части приграничья сохранилось ощущение близости к ныне украинским территориям, возможен ли вариант существования у жителей российской части приграничья психологической установки на восприятие украинской территории как «своей» и появления государственной границы как чего-то искусственного, навязанного населению политиками. Важно было также определить современное этнокультурное самосознание украинского (казачьего) по происхождению населения российской части порубежья по отношению к исторически русскому (частично крепостному) населению внутри России.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что в рассматриваемой зоне порубежья процессы развития идентичности, обусловленные реорганизацией пространства, происходившего после распада СССР, оказались в конечном счете лишь определенной модификацией того, что уже существовало ранее, но не проявлением какой-либо новой (возникшей после 1991 года) сущности. Это связано с частичным замещением этнической самоидентификации региональной (которая является более устойчивым во времени феноменом, чем этническая самоидентификация), включая возрождение в сознании казавшейся реликтовой или даже исчезнувшей украинско-русской идентичности Слободской Украины. Таким образом, в оценке процессов реорганизации пространства речь скорее может идти о долговременной устойчивости многих основных черт идентичности населения российско-украинского порубежья. Такой вывод основан на исследовании трех основных форм проявления идентичности: континуального историко-этнокультурного перехода (*модель градиента*), социокультурного и психологического освоения территории как «своей», «родной» (*ментальные регионы* в сознании населения) и «землячества» (отношение к жителям соседних территорий как к землякам).

Методологически значимым в решении исследовательской задачи были наблюдение за сохранением черт традиционного историко-культурного ландшафта, обычно стимулирующих этническую и региональную идентичности, а также фиксация в ландшафте новых маркеров, которые позволяют судить о современных процессах устойчивого сохранения (восстановления) или, напротив, размывания идентичности. При этом локальное распространение подобных маркеров оказывается в целом пространственно репрезентативным, поскольку их появление не является спонтанным, а исторически и культурно обусловлено.

Среди важных маркеров новейшего историко-культурного ландшафта следует отметить установленные по местной инициативе мемориальные объекты: памятник Богдану Хмельницкому в поселке Ровеньки Белгородской области (2004 г.) и монумент на месте встречи Мазепы

с Петром Великим в городе Острогожск Воронежской области в 1697 году (1997 г.). К обнаруженной региональной специфике относится также активное позиционирование местной администрацией поселка Ровеньки именно как украинского, а также часто хорошее знание украинского языка, достаточное абитуриентам, например из города Грайворон, для поступления в вузы Харькова. В определенном смысле можно сказать, что сохраняющееся «украинское начало», хорошо вписывающееся в пространство и идентичность Слободской Украины, в прошедшие два десятилетия стало «выходить из подполья», активно интегрируясь в современную жизнь.

Однако фиксируемые попытки современного обретения старинного историко-культурного региона вряд ли можно рассматривать через призму потенциального сепаратизма, хотя бы потому что население порубежья (в том числе украинское большинство) еще в конце 1920-х гг. сопротивлялось попыткам насаждения украинизации, а еще ранее (1918 г.) — аннексии части территорий Воронежской и Курской губерний державой гетмана Скоропадского. Украинское (слобожанское) самосознание сегодня сохраняется и воспринимается здесь как неотъемлемая часть общерусского, при этом появление государственной российско-украинской границы в 1991 году лишь усилило эту тенденцию. Можно говорить о *сохранении* имевшейся ранее ситуации, однако при *поляризации* кажущихся противоречивыми, но в действительности органично связанных ее основных составляющих. Это — усиление осознания значимости украинского начала и сопричастности ему и постепенное ослабление чувства «противоестественности» разделения России и Украины «по-живому».

«Землячество» как особый тип восприятия и идентификации «своих» весьма характерен для большей части населения России, в том числе для рассматриваемой зоны порубежья. Анализ субъективного восприятия мест проживания *земляков*, выявил существенные территориальные различия в характере тяготения к соседним регионам, а также своеобразного внутри-областного ментального отталкивания, когда жителей отдельных территорий внутри «своей» области не считают «земляками». Часто земляками считают жителей соседних областей Украины, в то время как жителей «своей» же области земляками считают не всегда. Так, жителей украинских городов Новгород-Северский, Сумы, Глухов, Харьков, Волчанск в рассматриваемой зоне порубежья *относят* к своим землякам: в Брянской области 10% опрошенных, в Курской области — 25%, в Белгородской — 30%.

В то же время население многих городов в пределах российско-украинского порубежья часто *не относит* к своим землякам жителей отдельных поселений в пределах *своей* области: 1) в Брянской области — это жители городов Дятьково, Карачев, с одной стороны, и жители городов Климово, Сураж, Мглин, с другой стороны, — которые друг друга не считают земляками; 2) в Курской области — это, соответственно, жители поселка Кшенский и городов

Рыльск и Суджа; 3) в Белгородской области — это жители городов Грайворон, с одной стороны и Старый Оскол и Новый Оскол, с другой стороны.

Общая тенденция здесь такова — в пределах единого региона (административной области) наблюдается своеобразный антагонизм между территориями, прилегающими к российско-украинской границе, с одной стороны, и территориями, отдаленными от российско-украинской границы и находящимися в противоположной части региона. Этот антагонизм не столько связан с самим политико-географическим положением этих территорий в настоящее время, сколько обусловлен историко-географическими (историко-политическими) факторами. *Указанный антагонизм порождает так называемый. «ментальный внутрорегиональный сепаратизм».* С географической точки зрения здесь можно отметить выделение полос (территорий, где живут земляки), располагающихся почти параллельно российско-украинской государственной границе и напоминающих контуры исторических регионов — Слободской Украины и Гетманщины. Важным здесь является наличие центральных внутриобластных районов, которые выполняют функцию интеграции этнокультурно различных частей регионов и уменьшающих распространение «ментального внутрорегионального сепаратизма». В таком смысле центральное (в своей области) географическое положение Курска можно считать более «удачным» (в смысле: вписывающимся в современные тенденции), нежели Брянска (смещенного к востоку своей области) или Белгорода (тяготеющего к западу), которые «не способны» противостоять инерционным тенденциям, связанным со Слободской Украиной и Гетманщиной.

Сопоставимые результаты дает нам анализ границ ментальных регионов, пространств «своего края» в сознании жителей российской части порубежья (выделенных на основе включенной в анкеты условной географической карты, на которой респондентов просят показать территорию их «малой родины»). И здесь прорисовываются границы исторических регионов и прослеживается таким образом тесная духовная связь с населением соседней Украины. Например, *Брянская область* в сознании ее населения в большей степени интегрирована с территорией Украины (Шостка, Семеновка, Новгород-Северский), чем с территорией Беларуси, несмотря на существенно большую открытость российско-белорусской границы, по сравнению с российско-украинской. Могилево-Брянская граница, существующая практически без изменений с начала XIV века (Московско-Литовская граница), проявляет исключительную «жесткость» в сознании местного населения. Также «жестким» оказался участок границы между Белгородской и Луганской областями. Территория современной Луганской области располагается к югу от бывшей Слободской Украины в пределах бывшей области Донского казачества, исторически соперничавшего с казачеством Слободской Украины.

Украинский этнокультурный градиент в современной России как культурно-историческая реальность. Тренды этнокультурных изменения культурных явлений в пору-

бежной зоне России и Украины могут быть обобщены в пространственной модели, названной «градиентом».

На основе полевых наблюдений 2008–2009 годов нами экспертно была выделено 3 зоны по присутствию украинской культуры (табл. 1) в компонентах историко-культурного ландшафта. При этом выделение зон не означает обязательного *доминирования* украинской этнической культуры в пределах зоны с наибольшей сохранившейся «украинизированностью». Здесь правильнее говорить о *существенном присутствии украинской культуры у населения, которое почти на порядок превосходит долю лиц украинской национальности по переписям населения, а также о различных формах осознания близости к Украине у жителей порубежья, независимо от их этнического происхождения*. Выделенные зоны украинского этнокультурного градиента напоминают аналогичные зоны, выделявшиеся в свое время В. П. Семеновым-Тянь-Шанским [14, с. 169], в несколько меньшей степени – выделение русских, украинских и русско-украинских городов в Слободской Украине и на сопредельных территориях Д. И. Багалея [2].

Таблица 1. Зоны этнокультурного градиента российско-украинского порубежья (%% от числа опрошенных)

Вопрос	Вариант ответа	Зона I (%)	Зона II (%)	Зона III (%)
<i>Вы местный?</i>	<i>Местный</i>	63.3	62.6	78.0
	<i>местный по убеждению</i>	22.0	25.9	14.0
	<i>не местный, хотя живу здесь давно</i>	14.4	10.1	6.0
<i>Хотели бы Вы жить в другом населенном пункте?</i>	<i>Да</i>	27.3	31.0	14.9
	<i>Нет</i>	46.8	51.2	66.7
	<i>может быть</i>	25.9	17.7	18.4
<i>Считаете ли Вы себя жителем глубинки?</i>	<i>Да</i>	35.0	60.1	73.7
	<i>Нет</i>	49.3	32.9	19.3
	<i>не ответили</i>	15.7	7.0	7.0
<i>По национальности Вы?</i>	<i>Русский</i>	79.2	86.7	92.1

	<i>украинец полностью/частично (ч/п)</i>	16.9	8.9	6.1
Знаете ли Вы место рождения или захоронения Ваших предков?	<i>среди русских на Украине</i>	10.4	7.0	7.0
	<i>среди украинцев ч/п на Украине</i>	9.0	3.2	3.5
Жители каких городов являются Вашими земляками?	<i>украинские города</i>	18.2	15.8	10.5
	<i>города б. Слободской Украины</i>	32.5	20.2	9.6
Как бы Вы отнеслись к объединению областей России с областями Украины?	<i>Положительно</i>	26.0	31.6	18.9
	<i>Отрицательно</i>	61.0	48.7	51.6
	<i>Безразлично</i>	7.8	11.4	14.7
	<i>не ответили</i>	5.2	7.6	8.4
Как относятся к вам жители Украины?	<i>Положительно</i>	77.2	60.8	57.9
	<i>Отрицательно</i>	4,6	3.8	8.8
	<i>по-разному</i>	6,5	11.4	7.0
	<i>не знаю</i>	11.7	23.4	26.3
Сожалеете ли, что в недавнем прошлом возникла граница между Россией и Украиной?	<i>Да</i>	88.3	80.4	80.7
	<i>Нет</i>	7.8	15.8	16.7
	<i>не ответили</i>	3.9	3.8	2.6

Примечания:

Общее количество анкет использованных для таблицы составило 349 (без анкет г. Курска), в том числе 77 - для Зоны I, 158 — для Зоны II и 114 — для Зоны III. Были использованы также результаты 75 проведенных глубинных интервью.

В Зону I были отнесены населенные пункты: Суджа, Ракитное, Грайворон, Валуйки, Ровеньки. В Зону II — Почеп, Погар, Суземка, Стародуб, Унеча, Клинцы, Рыльск, Обоянь, Ивня,

Короча, Новый Оскол, Бирюч, Острогожск. В Зону III — Севск, Навля, Трубчевск, Льгов, Фатеж, Дмитриев, Тим, Щигры, Коротояк.

В таблице представлены результаты анкетирования экспертов, обобщенные в рамках первоначально выделенных по результатам полевых исследований зон украинского этнокультурного градиента, учитывающих местные особенности историко-культурного ландшафта. Так, согласно материалам исследований, существует определенная гармония между ландшафтом и рядом черт ментальности людей, исторически укоренных на данной территории, что, в частности, выражается наличием элементов украинской культуры в бытовом языке и архитектуре. Кроме того, была обнаружена значительная природно-ландшафтная обусловленность в пространственной конфигурации Слободской Украины, а в какой-то степени — и других исторических территорий в рассматриваемой порубежной зоне (например, территория Слободской Украины довольно жестко тяготеет к юго-западной границе Среднерусской возвышенности, а также к среднему течению Дона) [см. 7]. Авторами была использована разработанная ими гипотеза соподчинения компонентов историко-культурного ландшафта, связанных с мировосприятием и идентичностью людей [13, с. 190]. По аналогии с известной в физической географии концептуальной схемой Н. А. Солнцева, посвященной упорядоченности компонентов природы в ландшафте, было предложено выделять компоненты историко-культурного ландшафта: *более устойчивые, долговременные и менее устойчивые, кратковременные*, — с ранжированием указанным образом всех компонентов ландшафта. При этом к числу *менее устойчивых* были отнесены следующие компоненты (в направлении от менее кратковременных к более кратковременным): *память об украинских корнях* и территориях происхождения своей семьи; *этническая самоидентификация* (кем человек себя в большей степени «считает»?); *самоидентификация при опросах* (кем человек себя «называет»?); *язык (говор)* большей части населения, архитектурные предпочтения (прошлого и современности) населения и осознание им специфики своего места проживания считались *более устойчивыми, долговременными* компонентами историко-культурного ландшафта.

В отличие от Слободской Украины, на бывшей территории которой сохранилось множество *живых черт украинской культуры*, в пределах российской части бывшей Гетманщины речь может идти лишь о *живых памятниках прошлого*. Некоторые стороны украинской, а также белорусской этнической культуры сохранились на западе Брянской области, в пределах бывшей Черниговской губернии. В мозаичных условиях природного и культурного ландшафта на территории Брянской области прослеживаются древние историко-культурные границы. Опрошенные нами жители Погара всех проживающих за рекой Судость называют «москаля», в том числе и жителей города Трубчевска. В свою очередь жители Трубчевска называют жителей Погара «цыбуля» или «бульбаши», что в данном контексте означает «белорусы», реже

— «украинцы». Однако в целом на территории Брянской области украинская и белорусская этническая культура «подавлена» и сохранилась лишь в качестве своеобразных реликтов. Сохранение таких этнографических реликтов связано с культурной и экономической периферийностью Брянской области как в настоящее время, так и в историческом прошлом. Отмеченное выше сохранение в течение столетий так называемого Литовского рубежа иллюстрирует исторически давнюю «русификацию» окраин белорусского и украинского культурного мира. В последнем случае, по-видимому, сказалась поверхностная «украинизированность» этой территории в прошлом, при которой «население Черниговской губернии в значительной мере представляло как бы переходную ступень от великоруссов к малоруссам» [12, с. 99].

Сохранение памяти о Слободской Украине позволяет поставить вопрос о современном формировании на юго-западе Европейской России особого украинского субэтноса как составной части русских, или же о других формах самоидентификации и этничности, которые не укладываются в распространённые схемы и модели (ср.: «Я хохол, но русская в душе», п. Кантемировка Воронежской области, 2008 г.).

Была выявлена конъюнктурная роль политической границы, которая искажает региональную идентичность вблизи нее: локально завышенная роль границы приводит к повышению роли гражданской (национальной) идентичности, вступающей здесь в конфликт с региональной и этнокультурной. Например, город Грайворон Белгородской области наиболее тесно связан с Украиной, однако вопрос о воссоединении регионов вызывает здесь абсолютно преобладающее отрицательное отношение.

Во втором поясе территорий по удаленности вглубь России, напротив, региональная идентичность, в различных ее формах, повышена, тесно связана с этнической идентичностью и памятью о Слободской Украине. Здесь существенны такие характеристики, как отношение к Украине, земляки, отношение к границе, двойственная (смешанная) идентичность. Здесь особенно существенна *необходимость различения самосознания «для себя» («кем себя считают») и менее устойчивого, сиюминутного самосознания «для других» («кем себя называют»), например, при переписи населения.*

В третьем по удаленности вглубь России поясе региональная идентичность теряет этнический оттенок и связь со Слободской Украиной, оставаясь формой местного патриотизма.

Российско-белорусские социокультурные отношения и порубежье: европейский контекст. Начиная с 2011 года, дополнительно модифицируя разработанную ранее методику, авторы приступили к изучению белорусско-польско-литовского приграничья, в том числе в рамках студенческого проекта (руководитель проекта — В.О. Кошевой).

Обсуждение результатов. Судя по нашим материалам, минувшие два десятилетия охарактеризовались значительным усилением уже имевшейся ранее культурной поляризации пространства. При этом рассмотренные параметры, особенно их пространственный рисунок, в

целом обнаружили значительную устойчивость, в общих чертах воспроизводя, разумеется, в новых условиях — картину начала двадцатого века.

В условиях советского социума возможности фиксирования этих параметров часто были ограничены по социально-политическим причинам, а также по причине повышенного внимания к другим феноменам, которые в те годы казались более актуальными. В то же время рассмотренные параметры самоидентификации чаще всего не имели возможностей для всестороннего проявления. Поэтому до 1991 года культурное пространство в пределах изучаемой территории воспринималось как более однородное (отчасти оно и было таковым в действительности).

После 1991 года появились дополнительные импульсы и катализаторы для поддержания культурных *констант*, стимулирующих *поляризацию* пространства. Излишне формальная позиция исследователя слишком легко может привести к выводам о *динамичной трансформации* за истекшие двадцать лет, в том числе к выводам о «реорганизации пространства», затрагивающей культурный генотип (социокод), — в то время, как более реалистичным представляется говорить о *фиксировании* ранее не *наблюдавшихся* феноменов, которые, возможно, отражают *имеющуюся традицию*, являясь ответом на новые вызовы и эксперименты.

Из утверждения о том, что «Украина — не Россия» не следует, что Украина в той же мере подобна Европе, в какой она отлична от России. Сама Украина является вполне самобытным феноменом, не обязательно подчиненным канонам Запада или Востока. В то же время Западная Беларусь как бы в нарушение законов формальной логики одновременно содержит в себе определенные черты как близости и подобия России, так и близости и подобия Европе, хотя не исключено, что в целом в Беларуси преобладают (хотя и не столь жестко, как на Украине) самобытные компоненты.

Хотя история, возможно, и не повторяется, она по-прежнему остается очень важным детерминантом в процессах самоорганизации социумов. Как показали исследования, наблюдаемые в исторических городах порубежий многочисленные черты живой культуры прошлого нельзя считать отживающими свой век реликтами, а проведенный анализ — «палеогеографическим». Особенно показательным здесь, на взгляд авторов, является белорусско-литовско-польское приграничье, характерной чертой которого в настоящее время (с учетом переписи населения Беларуси 2010 г.) является увеличение на порядок доли лиц, идентифицирующих себя как поляков, при существенных, хотя и не доминирующих в целом, польских корнях у населения, при сохранении преобладающих (в целом) трудовых связей с Россией, всеобщем знании и употреблении именно русского языка, бесконфликтностью сосуществования католиков и православных и двойственностью политической ориентации либо на ЕС, либо на Россию, обязательное противопоставление в самоидентификации Западной и Восточной Беларуси (реже — Полесья и Юго-Западной Беларуси).

Сохранение местного культурного генотипа происходит на фоне несовпадающих в разных частях бывшего СССР тенденций формирования новых наций. В частности, в России происходит противоборство тенденций (каждая из которых представлена множеством вариантов): а) сохранения (обновления) нации «имперского» типа, когда местные особенности считаются частностями или же формой проявления всеобщего, а представители других этносов в пределе так или иначе ассимилируются; б) формирования нации «классического» (а по сути «националистического») типа, неизбежно уравниваемого естественным и искусственным мультикультурализмом, который далеко не всегда (хотя уже и достаточно часто) вписывается в сложившийся социальный уклад, а иногда приобретает конфликтные черты (классическим является сравнение австрийской и немецкой культур как, соответственно, «имперской» и «националистической»). В случае мультикультурализма именно развитая региональная идентичность способствует консолидации социума.

Наиболее распространенная точка зрения в отношении Беларуси заключается в формировании нации гражданского типа. (Если это действительно так, то в таком случае уравниваются идентичности Западной и Восточной Беларуси). Важным нюансом, на который не всегда обращается внимание, является характерное для современной белорусской идентичности ощущение вхождения в более крупные общности. Это допустимо, на наш взгляд, интерпретировать как своеобразную форму проявления имперской идентичности (при этом сама «империя», одним из ядер которой может восприниматься Беларусь, не является сколько-нибудь четко оформленной даже в ментальном пространстве). Наряду с этим, в Беларуси существует и «националистическая» тенденция.

В то же время на территории Украины после 1991 года возникло несколько типов украинской идентичности, несмотря на принятие руководством страны жесткой этнократической модели построения украинской нации. В этой модели в качестве этнокультурной основы выступает лишь часть исторического культурного ядра Украины. Во всех вариантах модели исключается Слободская Украина, что вступает в безусловное противоречие с притязаниями (в разном смысле) представителей украинской элиты на российскую часть Слободской Украины. Нередко ставится вопрос о несовпадении идентичностей разных групп украинцев, включая русскоговорящих, а также русских Украины. Представляется открытым вопрос о результатах *современной* «украинизации» населения различных регионов Украины. Реальное формирование украинской нации, по-видимому, происходит в рамках *разных* моделей *региональной* идентичности.

В ситуации *российской* части приграничий принятая на *Украине* этнократическая модель стимулирует две тенденции, которые можно воспринимать как противоположно направленные: а) усиление осознания своего украинского происхождения (что облегчается сохранением историко-культурного ландшафта, обогащаемого дополнительными маркерами, связанными с

Украиной), включая современную ментальную близость с жителями соседних областей Украины и б) подтверждение своей именно российской идентичности, что вписывается в «имперскую» модель российской нации. При этом региональная идентичность продолжает существовать «поверх государственных границ», что также возможно рассматривать как форму «имперской» идентичности (в ее как бы «неофеодальном» варианте, который, возможно, характерен и для современной белорусской идентичности).

Проведенный анализ позволил, как представляется авторам, представить этнокультурные и региональные аспекты идентичности, историческую память как некоторую реальность, неотделимую от сознания людей и в целом существующую достаточно изолированно от различных форм политических технологий и идеологии в целом, - параллельно им, в чем-то «не смотря на ...», а в чем-то — благодаря им.

Такая точка зрения может расходиться с конструктивистским подходом, отводящим людям пассивную роль, связанную с их подчинением социально-политической инженерии и, в конечном счете, предполагающим отсутствие у них своих идеологических и иных предпочтений. Эти предпочтения, согласно подходу конструктивистов, люди должны заимствовать извне и, таким образом, идентичность и историческая память – это продукт деятельности в сфере политики, но не культуры как долговременной тенденции, связанной с кумулятивной казуальностью, как это предполагается авторами. Так, Г. И. Мусихин пишет: «В академической историографии все чаще стало встречаться понятие “коллективная память”, напрямую связываемое с понятием “идентичность”. Такой подход, по сути, означает, что феномен социальной сплоченности скорее “изобретается”, то есть является сконструированным, чем “обнаруживается”, то есть является сконструированным, а не объективно существующим и выводимым из реальной социально-экономической структуры общества» [11, с. 138]. Для авторов не вполне понятно, почему достаточно очевидная (даже «тавтологическая») связь коллективной памяти и идентичности трактуется как пример адекватности именно конструктивистской модели?

Указанные разногласия с конструктивистами не лежат в плоскости методологии, в частности, противопоставления номинализма или реализма, объективизации или субъективизации научных представлений. С точки зрения авторов, наблюдаемая реальность одновременно и «конструируется», и «существует объективно», при этом научный аппарат в принципе должен отражать обе эти стороны реальности, не отдавая предпочтение одностороннему отображению логики конструктивизма, что сейчас распространено. Дополнительное замечание по поводу формулировки Г. И. Мусихина: идентичность не является производной от социально-экономической структуры общества; собственно, именно это было признано даже Сталиным в 1952 году в дискуссии по вопросам языкознания. Признание автономии идентичности никак не означает «правоты» конструктивистского подхода. Управляемость социокультурными про-

цессами возможна лишь в определенных рамках, но и в таком случае она не сводится к допущениям конструктивизма.

Список использованной литературы и источников

1. *Антанович Н. А.* Методологический анализ пограничья в социально-гуманитарных науках // После империи: исследования восточно-европейского пограничья. Сборник статей. Под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. — Вильнюс, ЕНУ-International, 2005 — С. 6 – 17.
2. *Багалій Д. І.* Історія Слободскої України. — Харьков: Союз, 1918. — 308 с., 2 карты.
3. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография / Отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. — М.: Изд-во РУДН, 2005. — 378 с.
4. *Беспамятных Н. Н.* Этнокультурная пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросскультурных взаимодействий. Научный ред. проф. М.А. Можейко. — Минск: РИВШ, 2007. — 404 с.
5. *Беспамятных Н. Н.* «Пограничные исследования»: генезис, эволюция, перспективы // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье. — Гродно: ГрГУ, 2010. — С. 12–15.
6. *Бреский О., Бреская О.* От транзитологии к теории пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа». — Вильнюс: ЕГУ, 2008. — 336 с.
7. Восточно-Европейское Пограничье: социально-экономическая динамика: кол. монография / Сорочан О.П. и др. — Вильнюс: ЕГУ, 2011. — 284 с.
8. *Гриценко А. А.* Региональная идентичность: ситуация в российско-украинском пограничье. — LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken GmbH & Co. KG, 2011. — 169 с.
9. *Дьяконов И. М.* Пути истории. — М.: КомКнига, 2010. — 384 с.
10. *Крылов М. П.* Региональная идентичность Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010. — 237 с.
11. *Мусихин Г. И.* Идеология и история // Общественные науки и современность. 2012. № 1. — С. 134–141.
12. *Пора-Леонович А. Я., Ставровский Я. Ф.* // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1903, т. 7, Малороссия. — СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1903. — С. 90–127.
13. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / Под редакцией В. А. Колосова и О. И. Вендиной. — М.: Новый хронограф, 2011. — 352 с.

14. *Семенов В. П. и Семенова О. П.* // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1903, т. 2, Среднерусская Черноземная область. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1902. — С. 157–192.
15. *Цыбульская Н. В.* Границы и пограничья в современных социокультурных исследованиях // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье. Гродно: ГрГУ, 2010. — С. 105 – 107.
16. *Identities, Borders, Orders: Rethinking International Relations Theory* .M. Albert, D. Jacobson, Y. Lapid (eds.). — Minneapolis, L.: University of Minnesota Press, 2001. — 349 p.
17. *Krylov M. P.* Regional Identity of the European Russian Population // Herald of the Russian Academy of Sciences. Pleiades Publishings. 2009, Vol. 79. No. 2. — Pp. 179–189.
18. *Krylov MP., Gritsenko .A.* Regional identity in the Interior and Borderland Territories of the South-West European Russia // International Conference “Geography and Regional Development”. Proceedings, Bulgarian Academy of Sciences, NIGGG, Sofia, 2010. — Pp. 113–118.
19. *Krylov M., Gritsenko A.* Modern Problems of Ethnical and Regional Self-Identification in Russia // Natural Resource Development, Population and Environment in Russia: their Present and Future in Relation to Japan. Proceedings of the 2nd Russian-Japanese Seminar. September 13 – 14, 2010, Moscow, 2010 — Pp. 90–97.

Е. Г. Милюгина, М.В. Строганов

ТЕКСТ ПРОСТРАНСТВА

Фрагменты словаря «Русская провинция»*

Словарь «Русская провинция» — первый в отечественной науке опыт комплексного осмысления и междисциплинарного описания пространства как носителя культуры. Необходимость его создания вызвана тем, что большинство современных разысканий в области культурного пространствоведения ограничиваются постановкой частных задач и потому оказываются односторонними: эти исследования касаются либо социологии пространства (провинциаловедение), либо мифологии пространства (локальные тексты), либо политологии пространства (областничество). Практически все из них отличаются произвольным выбором объектов для анализа, порой идеологизированностью используемых схем, а главное — отсутствием системного видения предмета. При таком подходе к проблеме невозможно, на наш взгляд, осмыслить и